

прерывает и преобразует реальность, ей предшествовавшую» [2, с. 70].

Итак, по Агамбену, история представляет собой диалектическое напряжение между отсрочкой, «удерживанием» (*catechon*) времени и завершением, между экономией и Мессией. Удержание исполнения истории пародийно осуществляется секулярными экономическими и политическими институтами как «устойчивое развитие в меняющемся мире». Однако это скорее пародия ада – единственного института или структуры, «не знающей ни упразднения, ни конца» (Там же, с. 74).

Литература

1. Агамбен Дж. Открытое / пер. с ит. и нем. Б.М. Скуратова. М. : РГГУ, 2012.
2. Агамбен Дж. Что современно? / пер. с итал. Киев : ДУХ І ЛИТЕРА, 2012.

Д.Н. УСТИНКИН
(Волгоград)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ШТАЙН О.А. МАСКА КАК ФОРМА ИДЕНТИЧНОСТИ: ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ ОБРАЗА (СПб. : Изд-во РХГА, 2012. 160 с.)

Маска имеет не только две стороны – лицевую и изнаночную, но и границу, отделяющую их друг от друга. Эта граница представляет собой не просто линию, но «зазор», «расщеп», который вмещает собственное пространство. Маска выступает сама по себе как многомерный феномен. С одной стороны, она создает границу между природным и социальным, своим и чужим, с другой – связывает прошлое с будущим через настоящее. Соответственно, О. Штайн анализирует маску со всех этих позиций.

Рассуждая о маске в архаике, автор акцентирует внимание на начале культуры с отделения Своего от Иного. В рассматриваемую эпоху все Свое – это то, что близко, привычное, освоенное. Само сознание архаического человека было приковано к внешним предметам и явлениям, при этом оно опиралось на

бытийственный опыт, характеризующийся нераздельностью, текучестью существования, в котором не происходило событий и не было Истории. Только с возникновением Иного и возникла культура и История. Но почему? Автор убежден, что осознание непохожести и непредсказуемости Другого связан со страхом перед захватом со стороны Другого, со страхом быть поверженным. В данном случае речь идет о священном, о сакральных силах, которые в архаике воспринимались как источник, способный причинить зло человеку. Именно поэтому маска – это своеобразный способ сакрализации, в ней человек предстоит Вечности в моменты ее возвращения. Таким образом, маска функционирует как защита.

Защищаясь от богов и одновременно обращаясь к ним, человек в маске выступает не как индивид. Ведь свою индивидуальность он скрывает, опасаясь непредсказуемости высших сил и духов, сам становится и Другим, и анонимом, вступая в контакт с сакральным. Анонимность необходима, чтобы укрыться, для общения с сакральным обязательно надо перейти от профанного, используя маску для трансформации, приобретения нового качества и соответствующего статуса. Надевая маску, человек присваивает себе коллективное лицо, т.к. выступает в рамках культуры своего племени. Очевидно, что трактовка маски в указанный период не соотносилась с ее моральной оценкой как притворства или двоедушия.

В архаичности маска не единственная реализовывала подобные функции. О. Штайн справедливо указывает на то, что формирование индивидуальной и коллективной памяти, связанное с религиозными культурами, всегда сопровождалось болью и телесным «оттиском» этого опыта в виде шрамов, порезов, ожогов, швов. Власть в социальном поле исполняет свои директивы через табу и телесные модификации, поэтому понимание феномена маски как формы идентичности требует вовлечения в данную проблематику и самого тела с его внешней поверхностью и внутренним пространством, с его границами и измерениями. Культура – это репрессивный механизм, движение которого вписывается в тела. На человека наносится «социальное письмо», в результате чего человек перестает быть биологическим механизмом.

Далее О. Штайн выделяет отсутствие взгляда в архаичной маске. Человек в маске не

смотрит, а подглядывает, т.к. там, где должны быть глаза, в масках присутствуют вогнутые или выпуклые пустые глазницы. В этом контексте интересны мифологические истории о попытках уклониться от взгляда Другого. В маске человека тяжело уличить в том, что он смотрит, и не только потому, что не видно глаз, что нет непосредственного контакта с глазами Другого, но потому, что сокрыто все лицо, на подвижной границе которого можно было бы прочесть реакцию на увиденное. Вероятно, поэтому маски древних не просто бесстрастны, они выражают именно такое состояние, которое предписано в данной культуре, точнее определено сакральными силами и их властью, запечатлено в ритуале. Было бы интересно проследить историю выражения экспрессии масок, используемых в культовых практиках, чтобы понять, какие чаще всего типы и образы прослеживаются в них, есть ли маски, на которых читаемо почтение или, например, страх перед нуменозным.

Интересны размышления О. Штайн о связи маски и насилия в архаической культуре, в которой неутоленное человеческое насилие перманентно находилось в поиске жертвы. Принесение последней на время защищало коллектив от собственного насилия. Маска использовалась для сокрытия лиц участников жертвоприношения. С ее помощью насилие условно отчуждалось не только от индивида, но и от коллектива. Обряд жертвоприношения совершал Другой в маске, а не конкретно взятый индивид. Очевидно, что если маска не только защищала, но и контактировала со священным, то она сама становилась фетишем, священным предметом, наделенным сверхъестественными свойствами.

В Новое время маска приобрела совершенно иное свойство. «Маска в Новое время – это история манер в куртуазном обществе, где структурированные властные отношения между представителями разных сословий определяли характер социальной коммуникации без посредства социальных институтов, легитимно определяющих статусные полномочия индивида» (с. 26). Маска как форма идентичности этой эпохи может быть понята только в контексте особенностей социальной коммуникации. В Новое время уже не обнаруживается сакральная составляющая маски, акцент перенесен на манеры. По сути, маской стало само поведение человека, регламентированное его статусом в обществе: чем выше было происхождение, тем более строгими были предписания. Сословное разделение Западной Евро-

пы интересно тем, что намеренно к этикету и моде приобщались только благородно рожденные. Соблюдение правил этикета для представителей этого сословия стало социальной нормой. «Так как социальная норма назидалась извне, со стороны государства, общества, двора, то принималась она людьми как нечто чуждое, навязанное, внешнее, искусственное и обязательное к исполнению ради собственного выживания. Маска заставляла людей играть и исполнять роли при дворе, подавая надежды, что где-то в собственном доме остается чистое, естественное, истинное» (с. 49).

С аксиологической точки зрения феномен маски рассматривается в рамках оппозиций позитивного и негативного, светлого и темного, истинного и ложного. За маской скрывается не столько человек, сколько ложь, неискренность, порок. «С такой точки зрения, условно “сорвать” маску с человека возможно, как возможно узреть и настоящее, истинное в самом лице. Оценочные суждения истины/лжи, правды/неправды наделяют маску того времени негативным качеством» (с. 37).

По мнению О. Штайн, культура Нового времени способствовала становлению самосознания человека, который начинает определять себя двойственно: как объект (Я в центре внимания других) и как субъект (Я сам исследую и заставляю других играть в ситуации). Соответственно, объективное Я вынуждено подчиняться требованиям этикета, общества и, по сути, играет роль марионетки в куртуазной культуре. Субъективное Я хоть и подчиняется, но может иметь отличную от поведения точку зрения. В ценностном контексте маска выступает как проявление лицемерия, т.к. она принуждает личность притворяться и подчиняться законам социальной игры. Единственное убежище в таком случае – это внутренний мир, в котором Я осознает себя само таким как есть.

Анализируя феномен маски в современности, О. Штайн опирается на постмодернистский дискурс. Современность предстает как динамичное пространство, непрестанно меняющаяся информация, плотность человеческого потока и быстрый темп жизни, в котором большое количество лиц, контактов, сменяющих друг друга на улице, в общественном транспорте, на службе в СМИ, множество исполняемых в обществе социальных ролей, событий, переключающих внимание с одной картинки на другую. «Бесконечная смена лиц, знакомых, звонков, новостей вперемежку с рекламой оказываются в одном, несовместимом

по значимости и смыслу ряду, что приводит к обезцениванию того, о чем сообщается. Массмедийное пространство предстаёт как алогичный поток сюжетов, где обретение себя возможно через игру» (с. 58).

Меняющаяся современность становится игровым процессом, меняющим правила, предполагающим множество вариантов и не признающим отношения подчинения. В ней маска устанавливается как социальный топос, пустое место, которое имеет определенную конфигурацию, а «пустота – пространство, предназначенное для частной субъективности в противоположность публичному пространству» (с. 59). Эта пустота, отличающаяся от архаики, где маска была границей между человеком и сакральным, от Нового времени, где край маски отделял искренность, целостность и личность от принуждения светского этикета. Маска нашей эпохи не скрывает, это граница, выступающая как тотальное разделение и дистанцирование в игре, в затягивающей, истощающей и поэтому делающей еще более зависимыми от нее.

Высокая скорость распространения информации обезличивает. Казалось бы, это именно то, что необходимо для субъективного Я, стремящегося сохранить свою анонимность. Однако это не так. Участники игры во все не стремятся быть однотипными игроками. Защищая себя сетевой маской, сохраняя и отстаивая свою анонимность, они при этом хотят быть непохожими на других. Но как это возможно? Непохожесть предполагает личностное своеобразие, а личность скрыта за сетевым аватаром и никнеймом. Значит, своеобразие необходимо обрести и проявить в рамках правил предлагаемой игры или манифестацией протеста против нее. Пустотность современной маски проявляется и в том, что по желанию пустота под ней всегда может обрести личность, для этого в сетевых ресурсах достаточно нажать одну клавишу, впрочем, допускается и изощренная, не лишенная изящности игра по медленному опредмечиванию субъективностью масочной пустоты.

Аксиологический подход к современной маскировке несет в себе совсем иные интонации. Упомянутая сетевая изощренность в сетевой анонимности, создании аватара, бесконечных клонов и виртуозная игра в Интернете расцениваются положительно, как маркер ода личности. Как бы это не представлялось алогичным, но будучи анонимным, маской вообще, выделиться среди других, стать узнаваемой, особенной, исключительной ма-

ской в сетевом и массмедийном пространствах стало идеалом, высшим достижением игры, которая все больше вытесняет реальность.

Изучая уникальность маски в современном информационном обществе, О. Штайн выделяет виртуальную маску как особый вид, подчеркивая, что сама медиальная реальность, в которой появилась и существует эта маска, «возникла как возможная, но стала самой реальностью, по отношению к которой аналитические процедуры классической рациональности не схватывают деления на субъект и объект, внешний и внутренний мир» (с. 68). В таком случае возникает вопрос к автору: как анализируется феномен маски в качестве проявления этой реальности, с помощью каких процедур? Признавая онтологичность медиальной реальности, мы выделяем в ней измерения временные и ценностные, пространства физические и смысловые, используя для этого границу как атрибут. Допускается, что границы могут быть динамичны, не отрицается структурная определенность реальности. Насколько возможно в таком случае отказаться от классической рациональности в ее понимании? Постмодернистская «шизоидность» как описательная процедура сама имеет сложную смысловую структуру и создана именно как классически рациональная. По нашему мнению, весьма спорным является тезис об игре как способе понимания другой игры, тем более что в ней правила и границы устанавливаются четко, в том числе и между внутренним и внешним.

Анализируя Интернет как коммуникационное пространство, автор считает, что участники сетевого общения не заинтересованы в уличении Другого, предъявленного через цифровой образ, по причине возможного разочарования от истины. Согласимся с тем, что специфика сетевого общения не всегда соотносится с необходимостью авторства, открытости. Скорее всего это связано с особенностью потребления информации вообще и не только в Сети. Это характерно для «клипового сознания». Так, никто из непосредственных потребителей рекламы не интересуется ее создателями, кроме случаев узкопрофессиональной необходимости или после увиденного привлекательного человеческого лица или фигуры. Авторство справочной информации также вне интересов пользователей, как и бесплатных программ, приложений, фотографий и т.д. Сетевой идентификатор вполне удобен для того, чтобы потом быстро найти понравившийся материал (если он не скопирован) или подписаться на новости. Этого достаточно для

потребителя сетевой продукции. Обезличивание в Сети – это одно из важнейших ее проявлений наравне с массовостью и гипердинамизмом.

О. Штайн полагает, что в цифровом изображении стерты границы внешнего/внутреннего, поверхностного/глубинного, что обусловлено способом формирования изображения, бинарным цифровым кодом. Но как быть с цифровым телевидением? Цифровая копия картины, которую, не имея возможности увидеть в Лувре, мы созерцаем с помощью компьютера? Оттиск с цифровой или с пленочной фотографии – есть ли между ними такая фундаментальная разница в поверхностном/глубинном? Представляется, что вопрос о границах между способами хранения, типами, поверхностью и способами отображения не может быть решен столь поверхностно и в таком негативном ценностном аспекте. «Цифровой образ необоротен, в то время как лицевая и изнаночная сторона есть у всего: это текст и подтекст, слово и молчание, поверхность и глубина» (с. 77). Бытие цифрового образа имеет «изнанку» как раз в его коде, кроме того, человек далеко не всегда заинтересован в том, чтобы знать, учитывать и видеть изнанку «всего», в этом аспекте люди проявляют исключительную избирательность и растрату ресурсов.

«Лицевая/изнаночная стороны определяются через границу, порог, своим присутствием указывая не только на наличие комплиментарности, но и на наличие Другого. За любой чертой, по ту сторону, на дне скрывается Другой. Опыт границы – это доступный нам в им-

манентной действительности опыт трансценденции. Через порог, границу, “границу натяжений” протекает поток событий внешнего мира: он задерживает в себе определенное внешнее воздействие, чтобы тут же измениться в реакции на него. Но граница не только разделяет, она соединяет» (с. 80). В цитируемом отрывке, повторяемом автором несколько раз, подчеркивается интересная мысль о принципиальной возможности для субъекта обнаружить Другого, даже в том случае, если он скрыт за безличными природными проявлениями, потерян в веках как неизвестный автор или в опыте осознания собственной телесности. Поиск причины, начала, присутствия в виде Другого, безмолвного Наблюдателя сопряжен со строительством Я узнаваемого и безопасного мира с границами, различными свойствами, уровнями, координатами и измерениями. Возможно, что упоминаемый О. Штайн «поток событий внешнего мира» протекает не через порог-границу, а вдоль них, а соединиться может только то, что было разъято.

Резюмируя, отметим многоаспектность проблем, рассматриваемых О. Штайн. В первом приближении текст ее исследования предстает как попытка, собрав разные подходы, сформулировать «единую теорию» идентичности субъекта, в дальнейшем же именно разносторонность подходов, темпоральные связи и параллели между архаичностью, Новым временем и современностью создают общую картину захватывающего процесса возникновения и развития культуры, истории маски и идентичности.

